

Ray
Ray Bradbury

pocketbook

Рэй БРЭДБЕРИ

Канун дня всех святых

Pocket book (Эксмо)

Рэй Брэдбери

Канун дня всех святых

«ЭКСМО»

1972

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Брэдбери Р. Д.

Канун дня всех святых / Р. Д. Брэдбери — «Эксмо»,
1972 — (Pocket book (Эксмо))

ISBN 978-5-04-173805-1

Рэй Брэдбери — великий мастер пера, классик мировой литературы и живая легенда фантастики. Его книги уже более полувека увлеченно читают миллионы людей во всем мире. Брэдбери намного больше, чем писатель-фантаст, — его творчество можно отнести к «высокой», внежанровой литературе. Такого дерева вы не видели никогда в жизни. Оно достигает вершиной небес, и растут на нем тыквы всех форм, размеров и цветов. Возле этого дерева вы встречаете странного господина по имени мистер Смерч, и он увлекает вас в чудесное путешествие, из которого вы вернетесь совсем другим человеком — если вернетесь...

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-173805-1

© Брэдбери Р. Д., 1972
© Эксмо, 1972

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	13
Глава 5	16
Глава 6	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Рэй Брэдли

Канун дня всех святых

Ray Bradbury

THE HALLOWEEN TREE

© 1972, renewed 2000 by Ray Bradbury

Ray Bradbury trademark used with the permission of Ray Bradbury Literary Works LLC

Перевод с английского Арама Оганяна

В оформлении обложки использована иллюстрация:

Ellerslie / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

© Оганян А., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Хэллоуин – День Всех Святых.

Тихой сапой, крадучись, на цыпочках, тайком.

Но почему? Для чего? Каким образом! Кто? Когда! Где всё это началось?

– Ты не знаешь, не так ли? – спрашивает Карапакс Клавикула Саван-де-Саркофаг, вылезая из вороха листьев под Древом Хэллоуина. – Конечно, не знаешь!

– Н-ну, – отвечает Том Скелет, – гм... не знаю.

Это началось...

В Египте, четыре тысячи лет тому назад, на годовщину великой гибели Солнца?

Или на миллион лет раньше, в отблесках ночных костров троглодитов?

Или при друидах, в Британии, под ссссвиссст и сссскрежжет косы Самайна?

Или в гуще ведьмаков, по всей Европе... среди сонма ворожей, чертовых перечниц, магов, демонов да дьяволов?

Или в небе Парижа, где окаменели зловещие создания и превратились в горгулий собора Нотр-Дам?

Или в Мексике на кладбищах, переполненных огнями свечей и сахарными человечками в День мертвых – El Día de los Muertos?

Или где-то *еще*?

Тыквы, ухмыляясь, тысячами зыркнули с Древа Хэллоуина, и вдвое больше вырезанных глазищ вспыхнули, подмигнули и зажмурились при виде Савана-де-Саркофага, возглавляющего мальчишечью ватагу из восьми... нет, девяти (а где Пипкин?) пакостников – охотников за сладостями, чтобы отправиться в странствие на взмывающей листве, на помеле и реющем воздушном змее, дабы узнать тайну Дня Всех Святых.

И они ее узнают.

– Ну, – спрашивает Саван-де-Саркофаг в конце пути, – что это было? Пакости или сладости?

– И то и другое! – соглашаются все.

И вы бы согласились.

Рэй БРЭДБЕРИ

Мадам Маньха Гарро-Домбазль!

Вам – с любовью, на память о нашей встрече двадцать семь лет тому назад, однажды в полночь на кладбище острова Ханицио на мексиканском озере Пацукаро, которую я вспоминаю каждый год в День поминовения усопших.

Глава 1

Это случилось в городишке на берегу речушки неподалеку от озерца в уютном местечке на севере штата на Среднем Западе. Нельзя сказать, что природа заслоняла собой город, впрочем, и город не мешал созерцанию и осязанию природы. Город густо зарос деревьями. Травы и цветы увяли и пожухли с наступлением осени. А еще повсюду торчали ограды, чтобы ходить по ним, балансируя, и тротуары, чтобы кататься на роликах, и большой овраг, чтобы бросаться в него очертя голову и орать что есть мочи. А еще город кишел...

Мальчишками.

И близился вечер Хэллоуина.

И все дома захлопнулись, спасаясь от холодного ветра.

И хладное солнце освещало город.

И вдруг дневной свет померк.

Из-под каждого дерева и сарая выползла ночь.

За дверями всех домов – мышиная возня, сдавленные крики, быстрое мельтешение огоньков.

За одной такой дверью замер и прислушался тринадцатилетний Том Скекстон.

Ветер на улице вил себе гнезда на каждом дереве, шнырял по тротуарам, оставляя незаметные следы, словно кот-невидимка.

Том Скекстон поежился. Ветер той ночью дул иначе, и тьма ощущалась по-особому, а как же, ведь наступил канун Дня Всех Святых. Могло померещиться, будто все вокруг выкроено из мягкого черного, или золотистого, или оранжевого бархата. Дымки клубились из тысячи труб, словно шлейфы за похоронными процессиями. Из кухонных окон струились два аромата – рубленой тыквы и тыквенного пирога.

Чем больше мальчишеских теней проносилось под окнами, тем истощнее становились крики за закрытыми дверями – полуодетые мальчуганы – щеки измазаны гримом; вот горбун, вон великан... среднего роста. Перерыты чердаки, взломаны старые замки, древние сундуки выпотрошены в поисках костюмов.

Том Скекстон напаялил свои кости.

Он ухмыльнулся, взглянув на позвоночник, грудную клетку, белеющие коленные чашечки, пришитые на черный хлопок.

Повезло мне! Подумал он. Какое имечко! Том Скекстон. Для Хэллоуина лучше не придумаешь! Все тебя кличут – Скеклет! Что же остается надеть?

Кости.

Бабах. Восемь дверей громыхнули и захлопнулись.

Восемь мальчишек великолепно перемахнули через цветочные горшки, перила, увядшие папоротники, кусты, приземляясь на задубевшие, словно накрахмаленные, лужайки. Пытаясь урвать на скаку напоследок простыню, прилаживая последнюю маску, напяливая странные грибные шляпки или парики, крича в восторге от того, как ветер подхватывал их, подталкивая на бегу, или изрыгая мальчишеские проклятия, когда маски слетали, или съезжали набок, или забивали ноздри запахом подкладки, словно горячим песым дыханием. Или просто исторгали восторг от осознания своего существования и на свободе в эту ночь раздували легкие и надрывали глотки, чтобы вопить, вопить... вопииить!

Восемь мальчишек налетели друг на друга на перекрестке.

– А вот и я – Ведьмак!

– Пещерный человек!

– Скеклет! – с наслаждением выпалил Том в костюме из костей.

– Горгулья!

– Попрошайка!

– Смерть собственной персоной!

Бум! Они столкнулись, отлетев назад, и с ликованием столпились на углу под уличным фонарем, который отплясывал на ветру, звоня, словно церковный колокол. Кирпичи мостовой превратились в палубу пьяного корабля, который раскачивался, зачерпывая то свет, то тьму.

Под каждой маской – мальчик.

– Ты кто? – ткнул пальцем Том Скелтон.

– Не скажу. Секрет! – завизжал Ведьмак неузнаваемым голосом.

Все захохотали.

– Ты кто?

– Мумия! – гаркнул мальчик, под пеленой древнего пожелтевшего савана, словно гигантская сигара, бредущая по ночным улицам.

– А кто?..

– Некогда! – отрезал Некто под покровом очередной тайны из марли и краски. – Пакости или сладости!

– Даааа! – С завыванием и гоготом предвестников смерти – банши – они понеслись, избегая тротуаров, взлетая над кустарником и сваливаясь на головы скулящих собак.

Но внезапно в разгар беготни, хохота и тявканья их остановила могучая десница ночи и ветра, и они замерли, учуяв что-то неладное.

– Шесть, семь, восемь.

– Не может быть! Пересчитай.

– Четыре, пять, шесть...

– Нас должно быть девять! Кого-то не хватает!

Они обнюхали друг друга, как боязливые зверушки.

– Пипкина нет!

Как они догадались? Ведь они скрывались под масками. И все же, все же...

Они *ощущали* его отсутствие.

– Пипкин! Он бы ни за что не пропустил Хэллоуин. Ну и ну! Жуть! Ходу!

Сделав широкий разворот, они как один припустились мелкой рысцей и, описав круг, потопали по середине улицы, мощенной булыжником и кирпичом, подгоняемые, как листва перед бурей.

– Вот его дом!

Они встали как вкопанные. Дом Пипкина, но в окнах что-то маловато тыкв, не хватает кукурузных снопов на веранде, призраки не таращатся сверху сквозь темные стекла комнаты в башенке.

– Вот те на, – сказал кто-то, – а что, если Пипкин заболел?

– Какой же Хэллоуин без Пипкина?

– Никакой не Хэллоуин, – застонали они.

И кто-то запустил в дверь Пипкина дичком, который отскочил с глухим стуком, словно кроличья барабанная дробь о дерево.

Они подождали, беспричинно опечаленные и озадаченные. Они думали о Пипкине, о Хэллоуине, который грозил превратиться в гнилую тыкву с огарком свечи, если, если, если... с ними не будет Пипкина.

Ну же, Пипкин. Выходи, *спасай* положение!

Глава 2

Почему они ждали, переживая из-за одного маленького мальчугана?

Потому что...

Джо Пипкин слыл самым незаурядным мальчишкой на свете. Кто еще мог так неподражаемо свалиться с дерева и рассмеяться над самим собой? У кого хватило бы благородства на беговой дорожке, чтобы споткнуться и упасть при виде безнадежно отставших товарищей, дожидаться, когда они подтянутся, и пересечь финишную ленточку вместе с ними? Кто еще мог с таким азартом облазить все зловещие дома в городе и рассказать про них остальным ребятам, чтобы отправиться ватагой бродить по подвалам и карабкаться по плющу на кирпичные стены, орать в печные трубы, писать с крыш, гикать, улюлюкать и обезьянничать? В день, когда Джо Пипкин появился на свет, со всех бутылок с шипучкой и газировкой сорвало крышки и пчелы жизнерадостно набросились на цветущих сельских девиц. В дни его рождения посреди лета озерная вода выходила из берегов и откатывалась, увлекая за собой волну бултыхающихся мальчишек под громоподобный хохот.

На рассвете, лежа в постели, ты слышал постукивание птичьего клюва в окно. Пипкин.

Окунаешься с головой в утренний воздух лета, прозрачный, как ледниковая вода.

В росе лужайки цепочка кроличьих следов, где мгновение назад не дюжина кроликов, а всего один бегал то кругами, то наискосок, в безудержном восторге перемахивал через заборы, сбивая верхушки папоротников, протаптывая в клевере колеи, словно рельсовые пути на сортировочной. В траве миллион торных тропок, но где же...

Пипкин.

И тут он восставал из сада, словно беспризорный подсолнух, круглолицый, загоревший в свежих солнечных лучах. Его глаза метали искорки азбукой Морзе:

– Живее! А то кончится!

– Что?

– День! Миг! Шесть утра! *Окунайся* в него с головой!

Или же:

– *Лето!* Оглянуться не успеешь, и бац – нет его! Шевелись!

И он нырял в подсолнухи и выныривал среди луковиц.

Пипкин, ах, бесценный Пипкин, самый лучший и восхитительный среди мальчишек.

Как он умудрялся так быстро бегать – уму непостижимо. Тенниски у него обветшали, окрасились зеленью лесов, по которым он носился, побурели во время прошлогодней уборки урожая в сентябре, замарались дегтем от беготни по причалам, где швартовались угольные баржи, пожелтели от собачьих неожиданностей, занозились от лазанья по деревянным заборам. Одежду он заимствовал у огородного чучела и давал поносить на ночь своим собакам для прогулок по городу, после чего на ней оставались обкусанные манжеты и следы падений на сидалище.

Шевелюра? Его волосы кинжально щетинились во все стороны, как у дикобраза. Уши – чистейший персиковый пушок. Ладони в рукавицах пыли пропахли эрдельтерьерами, перечной мятой, персиками, уворованными в сельских садах.

Пипкин. Сгусток быстроты, запахов, мускулов, воплощение всех мальчишек, которые когда-либо бегали, падали, вскакивали, снова пускались бежать.

Никто никогда не видел, чтобы он сидел смирно. Никто не мог припомнить, чтобы он просидел в школе на одном месте дольше часа. Он заходил в школу последним и первым вылетал из нее как угорелый со звонком.

Пипкин, милый Пипкин.

Кто еще умел так петь йодлем, дудеть в дудочку-казу́ и ненавидеть девчонок больше всех мальчишек, вместе взятых?

Пипкин – его рука у тебя на плече и повествования заговорщическим шепотком о великих деяниях, совершенных за день, служили оберегом от всего мира.

Пипкин.

Господь вставал спозаранку, чтобы полюбоваться, как Пипкин выходит из дому, словно человек на флюгере. Там, где Пипкин, там всегда отменная погода.

Пипкин.

Они стояли перед его домом.

Дверь распахнется настежь в любую секунду.

Пипкин выскочит в облаке дыма и пламени.

И вот тогда Хэллоуин начнется ПО-НА-СТОЯЩЕМУ!

Ну же, Джо, о-о, Пипкин, шептали они, давай!

Глава 3

Дверь приоткрылась.

Пипкин вышел.

Не вылетел, громыхнув дверью и сотрясая всё вокруг.

А *переступил* порог.

И спустился навстречу друзьям.

Не бегом. И *без* маски! Где маска?

А переставляя ноги, почти по-стариковски.

– Пипкин! – вскричали они, чтобы прогнать свое волнение.

– Привет, банда, привет, – отозвался Пипкин.

Его лицо побледнело. Он попытался улыбнуться, но взгляд у него был настороженный.

Он держался за правый бок, словно от боли.

Все посмотрели на его руку. Он отнял ее от бока.

– Ну, – сказал он без особого восторга. – Мы готовы?

– Да, но у *тебя* не слишком готовый вид, – сказал Том. – Ты заболел?

– Это в Хэллоуин? – возмутился Пипкин. – Ты что, шутишь?

– Где твой костюм?..

– Идите вперед, я вас нагоню.

– Нет, Пипкин, мы тебя подождем...

– Идите, – медленно повторил Пипкин с мертвенно-бледным лицом, опять держась за бок.

– У тебя живот болит? – спросил Том. – Ты родителям сказал?

– Нет, нет, нельзя! А то они... – Слезы брызнули из глаз Пипкина. – Это пустяки, говорю же вам. Послушайте. Ступайте в сторону оврага. К Дому с привидениями. Ладно? Там встретимся.

– Поклянись.

– Клянусь. Вы еще моего костюма не видели!

Мальчишки собрались расходиться. Уходя, они брали его за локоть, стукали легонько в грудь или проводили костяшками по подбородку, имитируя потасовку.

– Ладно, Пипкин. Раз ты уверен...

– Уверен. – Он оторвал руку от бока. Лицо на миг приняло такой цвет, словно боль прошла. – На старт! Внимание! Марш!

Стоило только Джо Пипкину сказать: «Марш!» – все сорвались с места.

Побежали.

Полквартала они пробежали задом наперед, чтобы видеть, как Пипкин машет им рукой.

– Поторопись, Пипкин!

– Я догоню! – Закричал он издали.

Ночь поглотила его.

Они бежали, а когда оглянулись, он исчез.

Они ломились в двери. Орали: «Пакости или сладости!», и бумажные коричневые пакеты стали наполняться сказочными сладостями. Они бежали вприпрыжку с губами, запечатанными розовой жвачкой и красным воском, озарявшим их лица.

Но все, кого они встречали в дверях домов, выглядели двойниками их мам и пап, отличными на шоколадной фабрике. Словно они из дому не уходили. Слишком много доброты излучали окна и парадные входы. А им-то хотелось услышать драконий рык из подземелий и стук в крепостные ворота.

И вот, по-прежнему оглядываясь на Пипкина, они достигли окраин города, где цивилизация растворялась в темноте.

Овраг.

Овраг, пересыщенный ночными шумами, ползучими черными чернильными ручьями, тысячелетним томлением огненно-бронзовых листопадов. Бездна порождала грибы и мухоморы, хладных лягушек, речных раков и пауков. Под землей пролегал длинный туннель, куда просачивались отравленные воды, и эхо без усталости зывало: «Приди, приди, приди», и если послушаешься, то сгинеешь навеки среди капли, шелестов, шепотов, шорохов, и никогда-никогда не ходи, не ходи, не ходи...

Мальчики выстроились на границе тьмы, вглядываясь вниз.

И Том Скелтон, похолодев в своем костюме из костей, издал свист, подобный дуновению ночного ветра сквозь сетку на окне спальни, и показал рукой.

– Эй, послушайте... так вот куда нас послал Пипкин!

Он испарился.

Все взглянули. И узрели крохотную фигурку, летящую по грунтовой тропинке в миллионы тонн ночи, вдавленных в колоссальное ущелье тьмы, мрачное подземелье, чарующе страшный Овраг.

Издав истошный вопль, они нырнули следом за ним.

Их место заняла пустота.

Город остался наедине со своей слащавостью.

Глава 4

Они неслись вниз по Оврагу, не разбирая дороги, хохоча, толкаясь локтями, соударяясь лодыжками, храпя, запыхавшись и задыхаясь, как трудяги, и затормозили, налетев друг на друга, когда Том Скекстон остановился и показал на тропу.

– Вот, – прошептал он, – единственный дом в городе, куда стоит заглянуть в Хэллоуин! Вот!

– Да-а-а! – грянули все в ответ.

В самом деле. Дом был особенный, изысканный, высокий и погруженный во мрак. Должно быть, в его стенах проделали тысячу окон, отражающих холодное мерцание звезд. Казалось, он высечен из черного мрамора, а не срублен из бревен. А изнутри? Как знать, сколько в нем комнат, залов, галерей, чердаков – получше, похуже, повыше, пониже, забитых пылью, паутиной, сухой листвой или золотом, запрятанным над землей, затерянным под небесами, так высоко, что во всем городе не сыщется лестницы, чтобы до него добраться.

Дом зазывал своими башнями. Манил запечатанными дверями. Пиратские корабли будоражат. Древние форты – дар божий. А что же тогда дом с *привидениями* в канун Дня Всех Святых? Восемь сердечек бешено заколотились в предвкушении славы и похвал.

– Вперед.

Но они уже устремились гурьбой по тропинке. Пока не оказались перед обветшалой стеной, задирая головы всё выше и выше, глядя на кровлю старинного дома, напоминавшую большой некрополь. Ибо именно такое впечатление она и производила. Островерхий горный пик особняка, казалось, усеивали черные кости или железные штыри и множество труб для подачи дымовых сигналов из трех дюжин закопченных каминов, сокрытых в мрачных недрах чудовищного дома. При таком изобилии труб крыша казалась большим кладбищем, а каждая труба – гробницей древнего бога огня или заклинательницы пара, дыма и искрящихся светляков. Прямо у них на глазах четыре дюжины труб выдохнули жутковатую сажу, еще больше омрачившую небосвод, затмив даже пару-другую звездочек.

– Вот это да, – сказал Том Скекстон, – Пипкин свое дело знает!

– Ничего не скажешь, – согласились все.

Крадучись, они двинулись заросшей тропой к полуразвалившемуся крыльцу.

Том Скекстон в одиночку, сгорая от нетерпения, поставил ногу на первую ступеньку. Остальные, разинув рты, восхищались его смелостью. И вот, обливаясь потом, дрожащие мальчишки плотной толпой поднялись на крыльцо под истошные вопли досок под ногами. Каждому хотелось отшатнуться, повернуть назад и дать стрекача, но их зажимали спереди или сзади. Так, выпуская то одну ложноножку, то другую, амебообразное создание, источая мальчишечий пот, перемещалось перебежками и урывками к парадной двери дома, высокого, как гроб, но вдвое уже.

Они долго топтались на месте, протягивая руки, словно лапы огромного паука, чтобы повернуть холодную ручку или дотянуться до дверного молотка. А деревянные половицы на крыльце прогибались и раскачивались под ногами, угрожая при каждом смещении веса опрокинуть их в тараканью бездну. Доски, настроенные то на «ля», то на «фа», то на «до», пели свою жутковатую мелодию, стоило шаркнуть по ним тяжелым башмаком. И если бы хватало времени и был бы полдень, они сплясали бы мертвецкий ригодон под покойнический мотив, иначе кто бы устоял перед древним крыльцом, которое, подобно гигантскому ксилофону, только и мечтало, чтобы на нем попрыгали и сыграли мелодию?

Но они о таком даже не задумывались.

– Смотрите! – вскричал Генри-Хэнк Смит (а это был именно он), сокрытый под костюмом Ведьмака.

И все посмотрели на дверной молоток, к которому тянулась дрожащая рука Тома, чтобы потрогать.

– Молоток с головой Марли!

– Что?

– Ты же знаешь, Скрудж и Марли – «Рождественская песнь»! – прошептал Том.

В самом деле, личина на дверном молотке напоминала лицо человека с ужасной зубной болью, перевязанной челюстью, спутанными волосами, выпавшими зубами, безумным взглядом. Марли, «мертвый, как гвоздь в притолоке», друг Скруджа, обитатель загробного мира, осужденный на вечное скитание по земле до тех пор, пока...

– Постучи, – сказал Генри-Хэнк.

Том Скеелтон взялся за холодную и жуткую челюсть старикашки Марли, поднял ее и отпустил.

Все так и подскочили от сотрясения!

Весь дом содрогнулся, загремев костями. Тени исказились, заставив окна распахнуть страшные глаза.

Том Скеелтон по-кошачьи вскочил на перила, глядя вверх.

Зловещие флюгеры на крыше завертелись. Двуглавые петухи закрутились на ветру. Горгулья на западном торце здания изрыгнула двойную струю печной пыли. А из длинных змееголовых извивающихся водосточных труб, когда ветер стих и флюгеры замерли, на черную траву высыпались случайные клочки осенних листьев и паутины.

Том обернулся, чтобы взглянуть на едва подрагивающие окна. В стеклах трепетали подсвеченные луной блики, словно косяки перепуганных пескарей. Затем парадная дверь вздрогнула – ручка повернулась, Марли скорчил гримасу – и распахнулась настежь.

Ветер, внезапно поднятый дверью, чуть не сдул мальчиков с крыльца. Они закричали, ухватив друг друга за локти.

Затем засевшая в доме тьма сделала вдох. Сквозь зияющий дверной проем ветер подул внутрь дома, втягивая, заволакивая мальчиков через порог. Им пришлось упираться, чтобы не погрязнуть в глубинах мрачного зала. Они сопротивлялись, кричали, хватались за перила. Но потом ветер улегся.

Во тьме зашевелилась тьма.

Внутри дома издали к двери шагал некто, должно быть, облаченный во все черное, ибо они ничего не могли разглядеть, кроме реющего в воздухе бледного белого лица.

Зловещая ухмылка приблизилась и зависла перед ними в дверном проеме.

За улыбкой, в тени, скрывался высокий мужчина. Они увидели его глаза – точки зеленого огня в обугленных лунках глазниц.

– Гм, – сказал Том. – Гм... пакости или сладости?

– Пакости? – промолвила ухмылка во тьме. – Сладости?

– Да, сэр.

Где-то ветер играл на флейте каминной трубы старинную песнь о времени, тьме и дальних краях. Высокий человек захопнул свою улыбку, словно сверкающее лезвие карманного ножа.

– Никаких сладостей, – ответил он. – Только... пакости!

Дверь загрохотала!

Дом содрогнулся, пролился дождь пыли.

Пыль снова повалила клубами и хлопьями из водосточной трубы, словно нашествие пушистых кошек.

Пылью пахнуло из открытых окон. Пыль выбивалась из-под половиц под ногами.

Мальчики вытаращились на запертую парадную дверь. Марли на дверном молотке не хмурился, а зловеще усмехался.

– Что он сказал? – спросил Том. – Никаких сладостей, только пакости?

Зайдя за угол, они изумились хаосу звуков, которые издавал дом, – шепотам, шелестам, скрипам, кряхтеньям, стонам и бормотаниям. И ночной ветер позаботился о том, чтобы мальчики всё расслышали. С каждым их шагом большой дом склонялся к ним, тихо стеная.

Они обогнули дальний торец дома и остановились.

Ибо там возвышалось Древо.

И такого Древа они в жизни не видывали.

Оно стояло посреди просторного двора, позади ужасающего дома. И вздымалось в небо на сто футов, превыше самых высоких крыш, могучее, ветвистое, щедро усыпанное красными, бурыми, желтыми осенними листьями.

– А что это, – прошептал Том, – а-а, смотрите, что это там на дереве!

А Древо было увешано тыквами всех форм и размеров, оттенков и полутонов, и дымчато-желтыми, и ярко-оранжевыми.

– Дынное дерево, – предположил кто-то.

– Нет, – возразил Том.

Ветер дул в высоких ветвях, бережно роняя наземь их пестрое бремя.

– Древо Хэллоуина, – сказал Том.

И оказался прав.

Глава 5

На Древе росли не просто тыквы. На каждой был высечен лик. И ни единый лик не повторялся. Одно око чуднее другого. Носы с каждым разом всё отвратнее, ухмылки – чудовищнее.

Высоко, на каждой ветке Древа, должно быть, висела целая тыща тыкв. Тыща усмешек. Тыща скорченных рож. И вдвое больше пронзительных и косых взглядов, подмигиваний и морганий из свежепрорезанных глазниц.

И прямо на глазах у мальчишек произошло кое-что еще.

Тыквы принялись оживать.

Одна за другой, снизу вверх, начиная с ближайших тыкв, во влажных внутренностях стали зажигаться свечи. Сначала эта, потом та, еще и еще, и дальше вверх, и по кругу, три тыквы здесь, семь – повыше, дюжина – гроздью – за ними, сотня, пять сотен, тысячи тыкв воспламенили свечи, озарив свои личины, явили пламя в квадратных, круглых или странно скошенных глазищах. Огонь трепетал в зубастых пастьях. Из ушей вылетали искры.

И откуда-то два, три, может, четыре голоса шепотом затянули нараспев что-то вроде старинной матросской песни о времени, о небесах и о Земле, которая поворачивается на другой бок, чтобы уснуть. Водосточные трубы выдували дурман:

Мощное раскидистое Древо...

Голос заструился дымком из трубы на крыше:

Сверкая, заслонило небо...

Из распахнутых окон выплыли паутинки:

Ты никогда не видел исполина
Диковинней, чем Древо Хэллоуина.

Свечи затрепетали и вспыхнули. Из тыквенных ртов ветер подстраивался под песнопение:

Листва багрово-золотая тлеет,
Хиреет старый год, трава буреет,
Но урожай на Древе Хэллоуина —
созвездие свечей —
Подвешен высоко усладой для очей.

Том почувствовал, как его губы задергались, словно мышки, оттого, что ему захотелось запеть:

Звезды блуждают, свечи сияют,
Мышками листья шныряют там,
Где холодные ветры гуляют.
Россыпь усмешек на Древе горит,
Тыквами дразнит тебя и манит.
Усмехается кот и монстр могучий,
Усмехается ведьма и кровопийца летучий,

Усмехается, жатву снимая, Старуха с Косой,
С Древа мерцающая усмешкой резной.

Казалось, из губ Тома струится дымок:

– Древо Хэллоуина...

Все мальчишки зашептали:

– Древо... Хэллоуина...

И воцарилась тишина.

И в тишине, по три, по четыре, загорелись последние свечи на Древе Хэллоуина, создав огромные созвездия, вплетенные в черные ветви, и проглядывая сквозь веточки и хрустящую листву.

И Древо превратилось в одну колоссальную Усмешку.

Засветились последние тыквы. Воздух вокруг Древа согрелся словно бабьим летом. Древо выдыхало на них сажу и свежий тыквенный аромат.

– Ну и дела, – сказал Том Скелтон.

– Послушайте, куда мы попали? – спросил Генри-Хэнк, он же Ведьмак. – Сначала дом, потом этот человек – никаких сладостей, одни пакости, а теперь вот?.. Я в жизни такого дерева не видывал. Рождественская елка, только огромная, свечи, тыквы. Что это означает? Что это за праздник?

– Праздник! – промолвил чудовищный шепот, наверное, из закопченных недр печной трубы, а может, все окна в доме разом распахнулись у них за спиной, скользя вверх-вниз, возвещая из темноты: – Да! Праздник! – прогремел громоподобный шепот, от которого затрепетали свечи в тыквах. – ...Празднество...

Мальчики подскочили на месте.

Но дом оставался недвижим. Окна были заперты и залиты лунным светом.

– Кто последний – Старая Дева! – вскрикнул вдруг Том.

Их дожидался подарок в виде горы листьев оттенка тлеющих угольев и старого золота.

И мальчишки с разбегу ныряли в огромный восхитительный ворох осенних сокровищ.

В тот самый миг, когда они врезались в гору листьев, чтобы всей оравой исчезнуть под ними, крича, визжа, толкаясь, падая, исполинский вздох вызвал сотрясение воздуха. Мальчишки взвизгнули, отпрянули, словно от удара невидимого хлыста.

Ибо из вороха листьев сама собой поднялась бледная костлявая рука.

А вслед за ней, лучезарно улыбаясь, наружу высунулся белый череп.

Отменный пруд из листьев дуба, вяза и тополя, которые полагалось безудержно разбрасывать, утопая в нем, вдруг превратился в самое нежеланное местечко на свете. Ибо бледная костлявая рука витала в воздухе, а перед ними парил белый череп.

И мальчишки отшатнулись, сталкиваясь, исторгая свою панику, и смешались в одну очумелую кучу, попадали на землю, катаясь по траве, чтобы высвободиться, вскочить, убежать.

– На помощь! – закричали они.

– Да, да, на помощь, – вторил им Череп.

Затем под раскаты смеха они оцепенели при виде руки в воздухе, костлявой руки скелета, которая схватила белый череп и принялась вылушивать его слой за слоем!

Мальчишки заморгали под своими масками. У них отвисли челюсти, правда, этого никто не видел.

Из листвы восстал огромный человек в черном облачении, становясь все выше и выше. Он рос, как дерево, раскинув руки как ветви. Он стоял на фоне Древа Хэллоуина, его расprostертые руки и гирлянды оранжевых огненных шаров и горящих улыбок украшали его длинные белые костлявые пальцы. Глаза – зажмурены от громоподобного хохота. Из разинутого рта дует осенний ветер.

– Никаких сладостей, мальчики, нет, нет, нет, никаких сладостей! Пакости, мальчики, пакости, одни пакости!

Они лежали, думая, что вот сейчас грянет землетрясение. И оно не заставило себя ждать. Гогот долговязого охватил и встряхнул землю. Дрожь пробежала по костям мальчишек, и вылетела из уст, и превратилась в смех!

Они сидели в изумлении посреди разметанной кучи листьев. Прикоснулись к маскам, чтобы ощутить горячий воздух от хохота.

Затем посмотрели вверх на человека, как бы не до конца веря своему изумлению.

– Да, мальчики, это и есть пакость! Забыли? Да вы и не знали никогда!

И, пытаясь сбросить с себя остатки веселья, он прислонился к Древу, на котором затряслась тысяча тыков, и огоньки свечей закоптили и заплесали.

Согретые смехом, мальчики, облаченные в скелеты, встали, чтобы убедиться, что все цело. Ничего не сломалось. Они стояли стайкой под Древом Хэллоуина в ожидании, догадываясь, что это только начало чего-то нового, диковинного, величественного и изысканного.

– Ну, – сказал Том Скелтон.

– Ну, Том, – сказал человек.

– Том? – вскричали все. – Так это ты?

Том, в маске Скелета, затаил дыхание.

– А может, Боб или Фред, нет, нет, должно быть, Ральф, – предположил человек скороговоркой.

– Все вместе! – С облегчением выпалил Том и хлопнул по маске, возвращая ее на место.

– Да, да, все вместе! – заверили его они.

Человек кивнул, улыбаясь.

– Итак! Теперь вам известно о Хэллоуине такое, чего вы раньше не знали. Как вам понравилась моя пакость?

– Пакость, о да, пакость. – Мальчики загорелись идеей. Она пленила их, прыснув им в кровь немного озорства, и у них забегали искорки в глазах, и зубы обнажились в щенячем восторге. – Да, так и есть.

– Так вот чем вы занимались во время Хэллоуина? – спросил мальчик Ведьмак.

– И кое-чем в придачу. Но позвольте представиться! Меня зовут Саван-де-Саркофаг. Карапакс Клавикула Саван-де-Саркофаг. Ну как? Вам это ничего не напоминает, мальчики?

«О-о, еще как напоминает...» – подумали мальчики.

Саван-де-Саркофаг.

– Изысканное имя, – сказал мистер Саван-де-Саркофаг замогильным голосом, словно из-под гулких церковных сводов. – И чудная ночь. Долгая бездонная мрачная безумная история Хэллоуина поджидает вас, чтобы проглотить целиком!

– Проглотить нас?

– Именно! – вскричал Саван-де-Саркофаг. – Посмотрите на себя, парни. Вот почему ты, мальчик, носишь маску Черепа? А ты, мальчик, зачем ходишь с косой? А ты зачем вырядился Ведьмаком? А ты? А ты? А ты? – тыкал он костлявым пальцем в каждую маску. – Вы ведь и сами не знаете? Просто напялили на себя эти образины и старье из нафталина и выскочили наружу. Но что вы о них знаете? А?

– Ну, – сказал Том, дрожа, словно мышка, под своей марлевой маской, белой, как череп. – Гм... ничего.

– Да, – согласился мальчик в костюме Дьявола. – Если призадуматься, зачем я это надел? – Он пощупал свой кроваво-красный плащ, острые резиновые рожки и восхитительные вилы.

– А я – вот, – отозвался Призрак, волоча за собой предлинный белый кладбищенский саван.

И мальчики призадумались, притронулись к своим костюмам и стали заново прилаживать свои маски.

– А как было бы здорово в этом разобраться! – сказал мистер Саван-де-Саркофаг. – Я вам расскажу. Нет, покажу! Хватило бы только времени...

– Сейчас только половина седьмого. Хэллоуин даже не начался! – сказал Том из своего хладного скелета.

– Правильно! – согласился мистер Саван-де-Саркофаг. – Отлично, парни... в путь! Он зашагал. Они побежали.

На краю глубокого, мрачного, как ночь, Оврага он показал рукой на цепочку холмов, за горизонт, в сторону от лунного света, где тускло мерцали неведомые звезды. Ветер развеивал его черный плащ; и наполовину надвинутый капюшон теперь наполовину обнажил его почти бесплотное лицо.

– Вон, видите, парни?

– Что это?

– Неразгаданная страна. Там. Смотрите пристально. Зрите вглубь. Наслаждайтесь. Прошлое, мальчики. Да, Прошлое сумрачно. Населено кошмарами. В Прошлом погребено все, что из себя представляет Хэллоуин. Раскопаем косточки, мальчики? Хватит силенок?

Он прожигал их взглядом.

– Что такое этот Хэллоуин? С чего он начался? Где? Почему? Для чего? Ведьмы, коты, пыль из мумий, призраки. Все это находится в стране, откуда нет возврата. Готовы нырнуть в черный океан, мальчики? Готовы взлететь в темные небеса?

Мальчики сглотнули слюну.

Кто-то пролепетал:

– Мы бы рады, только вот... Пипкин. Нам нужно дождаться Пипкина.

– Да, Пипкин отправил нас к вашему дому. Мы бы без него не добрались.

Словно призванный в то самое мгновение, из далекого уголка Оврага раздался крик.

– Эй! Я здесь! – позвал слабый голос. Они увидели фигурку с освещенной тыквой на том краю Оврага.

– Сюда! – отозвались они хором. – Пипкин! Быстрее!

– Иду! – донесся до них крик. – Мне худо. Но... я не мог не пойти... подождите меня!

Глава 6

Они увидели фигурку, бегущую вниз по тропинке посреди Оврага.

– О-о, подождите, прошу, подождите... – Голос угасал. – Мне плохо. Я не могу бежать. Не могу... не могу...

– Пипкин! – Закричали все, размахивая руками с утеса.

Его тельце уменьшалось, уменьшалось. Всюду мелькали тени. Носились летучие мыши. Кричали совы. На ветвях черной листвой сгрудились ночные вóроны.

Маленький мальчик, бегущий с освещенной тыквой, упал.

– О-о, – охнул Саван-де-Саркофаг.

Тыква погасла.

– А-а, – ахнули все.

– Засвети тыкву, Пип, засвети! – закричал Том.

Кажется, он видел, как маленькая фигура на черной траве пытается чиркнуть спичкой. Но в тот сумеречный миг опустилась ночь. Огромное крыло накрыло бездну. Совы заушали. Мыши разбежались и улизнули в тень. Где-то свершился миллион крошечных убийств.

– Засвети тыкву, Пип!

– Помогите... – стenal скорбный голос.

Тысячи крыльев разлетелись прочь. Где-то огромный зверь молотил воздух, напоминая глухое биение барабана.

Облака задернули, словно холщовые декорации, чтобы возникло чистое небо. Луна большим глазом...

...посмотрела вниз на...

...опустевшую тропинку.

Пипкин исчез.

Вдалеке, на горизонте, болталось и плясало нечто черное, растворяясь в холодном звездном небе.

– Помогите... помогите... – завывал слабеющий голос.

И пропал.

– О-о, – огорчился мистер Саван-де-Саркофаг. – Плохо дело. Боюсь, что его утащило Нечто.

– Куда, куда? – залопотали мальчик, похолодев.

– В Неразгаданную страну, которую я собирался вам показать. А теперь...

– Вы же не хотите сказать, что Нечто из Оврага, оно или она, – это Смерть? Это она схватила Пипкина и... сбежала?!

– Скорее позаимствовала, возможно, чтобы потребовать выкуп, – сказал Саван-де-Саркофаг.

– Смерть занимается такими вещами?

– Да, иногда.

– Вот те на! – Том прослезился. – Пип сегодня побледнел, бегал медленно. Пип, зачем ты сегодня вышел из дому?! – закричал он небесам, где лишь дул ветер прозрачной рекой и плыли белые облака, словно призраки.

Их знобило от холода. Они глядели туда, где Черное Нечто похитило их товарища.

– Что ж, – сказал Саван-де-Саркофаг. – Вот вам еще одна причина отправиться в путь, парни. Если поспешим, то, может, и догоним Пипкина. Перехватим его сахарную душу. Вернем, уложим в постель, согреем под одеялами, чтобы он мог дышать. Что скажете, ребята? Раскроем две тайны зараз? Разыщем пропавшего Пипкина и разгадаем Хэллоуин одним решительным ударом?

Они подумали о ночи в канун Всех Святых и о мириадах неприкаянных душ, что бродят по пустынным переулкам на пронизывающем ветру, среди зловещих дымов.

Они подумали о Пипкине – он всего лишь мальчик с пальчик, неподдельная радость лета, вырванный, как зуб, и унесенный черным потоком паутины и сажу.

И почти в один голос они пробормотали:

– Да.

Саван-де-Саркофаг вскочил, побежал, взбеленился, разбушевался, взревел:

– Живо! По этой тропе! На холм! По этой дороге! Зброшенная ферма! Перемахнули через забор! Allez-оор!

Они с разбегу перемахнули через ограду и оказались перед сараем, заклеенным старыми цирковыми афишами, транспарантами, истрепанными на ветру за тридцать, сорок, пятьдесят лет. Странствующие цирки оставили после себя слой лоскутов и обрывков в десять дюймов толщиной.

– Воздушный змей, мальчики. Строим воздушный змей. Шевелись!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.